

А. В. КОМАРОВСКИЙ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ МАКСА ВЕБЕРА

В статье анализируются культурсоциологические основания социологии Макса Вебера. Демонстрируется возможность перепрочтения веберовской социологии в духе культурсоциологии. Обосновывается историко-социологическая и методологическая актуальность веберовской исследовательской программы.

Ключевые слова: социология культуры, культурсоциология, Макс Вебер, исследовательская программа, рациональность, трансдисциплинарность.

Скрытая программа культурсоциологии в трудах Вебера. В работах Макса Вебера отсутствуют термины «социология культуры» или, на немецкий манер, «культурсоциология». До своей преждевременной кончины Вебер не оставил какого-либо эксплицитного проекта культурсоциологии. При этом его брат Альфред Вебер уже в 1920–1930-х годах разработал собственный проект культурсоциологии, в значительной мере опираясь на работы своего старшего брата и оппонировав им. Значит ли отсутствие опознавательных терминов-маркеров, что у Макса Вебера не было культурсоциологии? Актуально ли *сегодня* «искать» культурсоциологию в творчестве Вебера? И в какой форме она там «содержится»: должен ли это быть какой-то аналог специальной (отраслевой) социологической теории или какая-то иная форма организации социологического знания?

Чтобы дать удовлетворительный ответ, нужен адекватный способ постановки таких *эпистемологических* вопросов, позволяющий корректно эксплицировать веберовские работы. Иными словами, стратегия освоения веберовского наследия обязана избегать как ловушки наивной модернизации веберовских трудов (избыточного осовременивания), так и не менее опасной ловушки наивной подгонки и потому неизбежного зауживания веберовских работ под «его» эпоху и «дух времени» (избыточного «таймирования», привязки ко времени). Такая схема читает Вебера сквозь призму накопленной истории (культур) социологического знания, что дает возможность «открыть» культурсоциологию за видимостью ее буквального отсутствия в работах Вебера. Таким образом, мы эксплицируем веберовскую социологию как культурсоциологию с учетом достижений внутри культурсоциологических дискурсов немецкого неовеберизма (и шире – с учетом «культурологизации» гуманитарных дискурсов в целом).

Корректно ли искать завершённый проект культурсоциологии у Вебера в виде завершённой уже специальной социологической теории? Ведь искать её в форме специальной социологической теории (теории среднего уровня) – значит подчиняться определенной логике структурирования социологического знания. Как будет показано ниже, указанная эпистемологическая схема (оформление социологического знания и практики под производство «теорий среднего уровня») имеет ограничения, успешно проблематизированные в рамках культурсоциологии. Кроме того, она не соответствует представлениям Вебера о дисциплинарном статусе социологического знания и «разделении труда» между учеными-гуманитариями («разделение» научного знания и научного труда – две стороны одной и той же научной «дисциплины»). Какая же методология позволит осуществить экспликацию «непреходящего» содержания веберовских трудов?

Адекватной эпистемологической схемой для такой задачи мы считаем методологию исследовательских программ Имре Лакатоса. Этот подход не нов внутри неовеберовского дискурса и был предложен одним из ключевых немецких неовеберовцев (Вольфгангом Шлюхтером) с целью описания веберовской исследовательской программы. Подобную процедуру мы считаем продуктивной для экспликации веберовской исследовательской программы как программы культурсоциологической. Этот подход позволяет за «защитным поясом» преходящих гипотез зафиксировать имплицитное «аксиоматическое ядро» веберовской социологии, ключевое время экспликации которой пришлось на существенно позднее время полагания программы – на вторую половину XX в. Этот факт является результатом особых историко-социологических «приключений» веберовской социологии в частности и немецкой социологии в целом. В значительной степени он обусловлен традициями структурно-функционального анализа, не позволявшего «открыть» (культурсоциологию) Вебера из-за «циклопизма» данной конкурентной исследовательской программы (заданной в значительной мере в русле классически интерпретированной дюркгеймовской традиции).

Таким образом, попытаемся представить эпистемологическое ядро программы культурсоциологии и показать, почему она является *актуальной* версией устройства, производства и употребления социологического знания. Это означает, что мы не пытаемся преодолеть фрагментарность веберовского «наследия» (как если бы за всеми работами, опубликованным под именем Макса Вебера, стояла фигура автора), как это часто пытались делать в истории интерпретации Вебера. Восстановить единство и цельность автора, или «труда» Вебера, не является целью нашего исследования. Мы продемонстрируем потенциал исследовательской программы культурсоциологии как релевантный ответ на современные эпистемологические вызовы социологическому знанию.

Социология культуры, или культурсоциология. В первую очередь зафиксируем ключевое различие в подходах, стоящих за данными, для непрофессионального глаза внешне идентичными, обозначениями – «социология культу-

ры» и «культурсоциология». Примечательно, что они все еще остаются «слабо отрефлексированными и разделенными» [1] и проникают в постсоветскую социологию преимущественно благодаря «снятым» версиям культурсоциологии французских постструктуралистов – Пьера Бурдьё, Мишеля Фуко (которых, кстати, в самом социологическом дискурсе Германии чаще обозначают именно как культурсоциологов) и косвенно через отечественные версии культурологии и культурфилософии (Я. Когана, В. Флиера). Рассмотрим различия этих традиций более подробно.

«В первом случае предпринимается попытка описания и анализа культуры на уровне теории среднего уровня (отраслевой социологии) в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем (культура труда, быта и т. д., политическая, экономическая культура и т. д.) и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни) как в институциональном, так и в поведенческом срезе, т. е. как особой предметности (особого предмета) социологического изучения. Во втором же случае речь идет об изучении культуры социологическими средствами на метатеоретическом уровне анализа, а тем самым К.-С. (культурсоциология – А. К.) претендует на статус фундаментального знания об обществе, в котором само социальное начинает пониматься, трактоваться и интерпретироваться в терминах культурного, а следовательно, не столько культура объясняется через реалии социума (что характерно для версии С. К.), сколько, наоборот, социум становится «производным» от культуры» [1].

Социология культуры рассматривает культуру на фоне социума, а культурсоциология – социум на фоне культур(ы). Социология культуры (как специальная социологическая теория) выделяет социум как объемлющий фон, признавая за этим феноменом большее содержание, чем за феноменом культуры (что влечет за собой концептуализацию культуры как предметной, «материальной» культуры, «сферы культуры» и т. п.). Культурсоциология в свою очередь ставит культуру на место объемлющего фона и влечет за собой уже другие концептуализации культуры (как атрибут исключительно «человеческого» – деятельное, языковое, знаковое и т. п.). Важно отметить, что в культурсоциологии как предмет анализа (социум), так и метод (социология) рассматриваются на фоне культуры, т. е. как специфические социокультурные феномены, будь то социальное знание (повседневное знание для социальной жизни) или социологическое знание (специально-научное знание о социальной жизни). Таким образом, смена фигуры и фона влечет за собой не только смену предметных содержаний, но и смену методологических рамок, при которой и «предмет», и «метод» – социум и социология – попадают в рамку культуры (как две различные системы знания).

По сути, в «социологии культуры» предпринимается попытка исследования культуры лишь как результата сложившихся социальных отношений или, в более продвинутых версиях, «чистого скелета» социальной жизни («идеи», «ценности»). Любая попытка вынести культуру в объемлющий фон неизбеж-

но вызывает «выпадение» культуры за рамки социологического анализа из-за невозможности свести ее многообразию к какому-либо единичному репрезентативному предмету исследования (или методу, подходу). Данная проблема присуща социологии, придерживающейся организации социологического знания по модели «теорий среднего уровня». В рамках этой исследовательской программы существует требование выделения «реальных», эмпирически доступных социальных явлений и процессов (предметов), под исследование которых организуются локальные эмпирические и теоретические социологические знания. Эта технология фрагментации и дробления социальной действительности вполне адекватна для процедур эмпирического исследования локальных социальных процессов, всегда ограниченного ресурсами и размерностью прикладной задачи заказчика (научной, коммерческой или политической организации). Но она не адекватна задачам тотального, эпистемологического среза культуры с точки зрения определенных перспектив («подходностей»), адекватно репрезентирующих, каждая по-своему, *сложностный* феномен культуры. Поэтому культура не укладывается в такую технологию прикладного социологического «опредмечивания», претендуя на статус тотального фона, охватывающего социальное и социологическое знание, а также форматы их сопряжения (исследование, управление, организация и т. п.).

Стоит отметить, что данная теоретическая ограниченность структурно-функциональной парадигмы уже достаточно четко, хотя и с существенным опозданием, сегодня отрефлексирована в лице Джеффри Александера внутри ее «дочерней» парадигмы – неофункционализма. В работах 1990–2000-х годов Александер разрабатывает «культуральную социологию», вовлекая в теоретический синтез ключевые направления постклассического гуманитарного знания (семиотику, аналитическую философию, анализ дискурсов и т. д.). В его работах «культуральная социология противопоставляется социологии культуры, имеющей дело с созданием материальных культурных объектов, производством и распространением идей, с ценностями и нормами, образцами поведения и социальными типами. Суть же культуральной социологии – в нахождении и исследовании «культуральных структур», под которыми понимаются внутренние, латентные, как правило, неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте относительно устойчивых смыслов социальной жизни» [2, с. 14]. В своих работах Александер пытается найти оптимальный баланс между реалистической («неопозитивистской») и конструктивистской («перформативистской» в его трактовке) установками, не впадая в крайности обеих, хотя и оперируя при этом достаточно паллиативными теоретическими «синтезами», имеющими, по сути, крен в семиотические версии поздней культурной антропологии, отсылающей к американской рецепции работ Эмиля Дюркгейма.

Трансдисциплинарный характер культурсоциологии. Сказанное выше означает, что культурсоциология исходно размывает жесткие дисциплинарные рамки, требуя трансдисциплинарных практик конфигурации разнотрансдисципли-

нарных знаний, соразмерных практическим «культурным» задачам и проблемам, стоящим за исследовательским «заказом» (государственных, хозяйственных, гражданских и т. п.). Ключевым предметом этого заказа во время Вебера были уникальные и непрокалькулированные государственные, гражданские, хозяйственные, морально-этические эффекты, порожденные развитием индустриально-капиталистической Германии и Европы. Интеллектуальным ответом на данный вызов и должна была стать социология как интегративная гуманитарная наука, достаточно мощная для *адекватного* опредмечивания и изучения культуры капитализма. Этот знаниевый дефицит также обнаружен Риммой Шпаковой в сравнительном анализе методологий изучения капитализма у Вернера Зомбарта и Вебера. «Значение глубинных преобразований, которые несет с собой капитализм, революционизирующий всю жизнь людей, их деятельность и миропонимание, можно уяснить, считают авторы, с помощью интеграции всего комплекса гуманитарных наук, по традиции относимых в Германии к наукам о культуре» [3, с. 128].

Попытка разработки методологии трансдисциплинарного гуманитарного знания (и организации соответствующего научного труда) уже просматривается при анализе такого значительного факта в истории немецкой социологии, как образование Немецкого социологического общества. Вебер и его последователи «были далеки от представления социологии как самобытной академической дисциплины. «Социология» как организационный термин указывала лишь на возможную кооперацию представителей различных социальных дисциплин и на общий интерес, дающий возможность этой кооптации и рассмотрения объектов собственной дисциплины в аспекте социальной обусловленности» [4, с. 33]. Отметим два важных момента. Во-первых, социология уже виделась Вебером областью, где было возможно «преодоление» и «снятие» различных дисциплин. Во-вторых, акцентировалась «социальная» обусловленность исследуемых объектов, выводящая на «горизонтальные» трансдисциплинарные проблемы культуры. Таким образом, веберовская социология задумывалась как методология трансдисциплинарного анализа и сборки разнотрансдисциплинарных наработок по самым актуальным и вызревающим практическим проблемам государственного управления и гражданской политики в индустриальной Германии, Европе и мире начала XX в. Эти проблемы остро выдвинули на первый план «социальную» сторону различных проблем («аграрный вопрос», гражданская солидарность, хозяйственная эффективность, политическая гегемония и др.) и потребовали адекватных, комплексных социокультурных технологий их анализа и решения.

Таким образом, дисциплинарная размерность веберовской «культурнауки» (так Вебер предпочитал обозначать свою «социологию») уже была несовременна расхожим научным настроениям социологического сообщества и потому, по сути, долгое время оставалась несвоевременной и несвоевременной, хотя социология, в большей или меньшей степени, практически не переставала считать Вебера ключевой фигурой собственного возникновения и развития. Не

вдаваясь в подробности достаточно противоречивой и сложной истории ассимиляции веберовского наследия, можно лишь отметить, что первые развороты веберовской культурсоциологической программы были представлены сравнительно поздно (в 1970–1980-х годах). Это было возможно лишь с послекризисным возвратом социологического знания к своим латентным не- и постклассическим эпистемологическим установкам (заданным преимущественно в немецкой традиции), что породило волну «синхронизации» («ренессанса») с исходно неклассическими установками веберовской исследовательской программы. Рассмотрим ее ключевые особенности.

Контуры веберовской исследовательской программы. Вслед за В. Шлюхтером мы говорим о веберовской исследовательской программе, а не о «веберовской парадигме», пытающейся восстановить цельность и единство «замысла» всех трудов Вебера, и не об исследовательской программе Вебера, которая соответствовала интеллектуальному контексту и актуальным для его времени задачам (была таймирована этим временем). Иными словами, исследовательская программа – это, в узком смысле, *методология* исследования, способная адекватно анализировать действительность, схватывая ее ядерные, устойчивые и долгосрочные социокультурные основания. «Мы намерены «не просто интерпретировать, но эксплицировать Вебера. «Экплицировать» значит следовать предложенной Вебером постановке проблем, но не во всем следовать его решениям. Итак, под экспликацией понимается развитие мысли, домысливание, в ретроспективном и перспективном обращении к другим и другому. ...Скорее речь идет о лучшем решении проблемы при той же ее постановке» [5, с. 25]. Шлюхтер и провел такую экспликацию, определив актуальные преимущества веберовской программы.

Шлюхтер указывает на три ключевые конкурентные программы: системную (радикализованную) теорию а ля Луман, теорию коммуникативного действия а ля Хабермас и теорию утилитарного действия а ля теория рационального выбора [5, с. 26]. Собственно саму веберовскую программу автор отождествляет с теорией регулируемого правилами действия (*Theorie des regelgeleiteten Handelns*), отличая ее от подобной утилитаристской версии экономистов – подхода следования правилам (выполнения правил), характерного для социологизированных версий *homo economicus*. Веберовская программа не впадает ни в надындивидуальный, «слепой» системный характер коммуникации у Лумана, ни в версию универсалистски и исключительно консенсуально ориентированной коммуникативной рациональности Хабермаса. «В то время как Луман недостаточно использует потенциал рациональности коммуникации, у Хабермаса прослеживается тенденция к завышению ее потенциала, его модель коммуникации содержит не только рациональность во всей ее полноте, но и притязание на универсальность» [5, с. 45].

Основная борьба сегодня ведется с экономистскими подходами к социальному действию, критика которых была в свое время проделана Вебером в отношении теоретической школы национал-экономики Карла Менгера и его

последователей. В отличие от экономистского подхода следования правилам в веберовской программе акцентировано регулятивное значение правил в действии (правильности, «методичности»), однако при этом они не имеют статуса линейных образцов и норм, подкрепленных (индивидуалистической) психологической конституцией индивидов. Скорее это открытые программы поведения, которые могут трансформироваться по ситуации и внутри ситуации, адаптируясь под ситуацию или адаптируя ситуацию под себя в соответствии со способностями действующего «читать» и адаптироваться или предугадывать и конституировать ситуацию («понимать» и «представлять»). При этом смысл является набором возможных (но не обязательных), устойчивых (но не «железных») сценариев действия, которые реализуются через фактическое действие (в условиях согласия или борьбы), проверяясь «на выполнимость» в самом процессе реализации. Что в свою очередь делает смысл и *условием* (основа понимания и коммуникации), и *средством* (координация перспектив и сценариев действия), и *целью* действия (признаваемая и значимая картина «реальности»).

В этом контексте сегодня особенно интересны альтернативные возможности веберовской парадигмы на фоне растущих притязаний экономизма внутри гуманитарных наук. Так, примечательно внимание на данный момент «маргинализованной» перформативистской экономической социологии к веберовскому понятию «калькулятивности». Подобно Веберу, разумно ограничившему притязания человека экономического на общезначимость (главным образом, за счет анализа внеэкономических, религиозно-этических механизмов обоснования и поддержания хозяйственной активности), но не отрицавшего его «действительности», лидер перформативистов, Мишель Каллон, утверждает, что сегодня «социологам следует не критиковать «человека экономического», а исходить из того, что он действительно существует» [6, с. 48]. Эта установка совмещает реалистические и конструктивистские послы, демонстрируя тесную связь действия, его социо-технической среды и условий релевантности (допуска и признания). Ведь «калькулятивен не только человек, но и сама среда, человек находится в таких условиях, что расчет становится не его сознательным (единичным или стратегическим) выбором, но единственно возможным способом существования. Более того, калькуляция происходит не в сознании индивидов, но в «распределенных агентствах», которые включают себя как индивидов, так и все технологическое окружение» [6, с. 53]. Например, ценностно-рациональное действие также не исключает момент калькулятивности, поскольку действующий таким образом человек должен рассчитывать и добиваться признания своих ценностей в конкурентной среде других программ действия.

Место культуры в веберовской исследовательской программе. Шлюхтер утверждает, что исследовательской программе Вебера присуще существенное, хотя и не фатальное ограничение, связанное зачастую с неправомерным приписыванием Веберу перекоса в сторону целерациональности. Такая ин-

терпретация Вебера обусловлена тем, что целерациональность была «ориентирована у него еще на параметрическую, а не на стратегическую рациональность» [5, с. 45]. При этом мы знаем, как Вебер сознательно и последовательно демонстрировал относительность господствующего в западной культуре образца рациональности, а потому не можем заподозрить его в какой-то прозападной «культуроцентричности» и идеализировании целе-рациональности, на которую его необходимым образом выводит анализ рационализированной капиталистической культуры, еще не состоявшейся, но для Вебера уже очевидно вызревающей как прообраз культуры мирового масштаба (или, в диагнозе Маркса, «мировой истории»). И Вебер сознательно не зауживал рациональность до частного, хотя и значимого ее типа (целе-рациональности), пусть даже в методическом плане она и служила образцом отнесения и анализа рациональностей, присущих хозяйственным, морально-этическим, гражданско-политическим феноменам различных культур.

Для Вебера параметричен не конкретный «образец» рациональности (образец действия). Относительно параметричен набор рамочных критериев («селектирующий механизм»), (не)допускающих признания и рутинизации определенного действия как значимого или, как минимум, «терпимого» социального факта внутри заданной культуры («нерелевантные» инновации, например, как минимум активно отвергаются). С другой стороны, требование воспроизводимости, «методичности» действия обуславливает необходимость его рационализации и оформления в социо-культурные образцы и правила, реализуемые через социальные порядки. Эти процессы прямо или отдаленно регулируются закрепленным в культуре идеалом образцового (нормального) индивида/личности, дающим ответы на «последние вопросы» смысла жизни и форматы ее рационального ведения (например, через призвание и профессию). Благодаря такой рационализированности жизни и ее социального оформления (через стратификационные процессы сохранения, закрытия и расширения, открытия) внутри одной культуры возможна частичная диффузия и адаптация программ действия, рационализированных в другой культуре, что мы и наблюдаем в практиках мульти-, поли- и транскультурных отношений современного цивилизационного ландшафта.

Таким образом, культура присутствует у Вебера на различных уровнях: как (1) методическая организация жизни, программирующая мышление (знание), коммуникацию и действие («стиль жизни»), и как (2) рамочный фильтр по закрытию и открытию одних локальных порядков другим («стратификация» и «обобществление»). Огрубляя, можно утверждать, что культура реализуется социально (и феноменально дана как социальность). В структурном аспекте это означает, что культура оснащает индивидов средствами и целями реализации программ действия, достаточно вариативных, но обеспеченных потенциальной значимостью внутри социальных образований различной размерности (семьи, группы друзей, рабочего коллектива, политической партии и т. п.). Признание способности культуры обеспечивать вертикальные и гори-

зонтальные отношения (кооперативные и конкурентные, иерархические и не-иерархические) между общественными порядками не требует вывода о наличии «реального» единого социального тела («общества», «системы» или «структуры»). Веберовская программа налагает запрет на выделение одного «общества» на материале разных, часто разобщенных и конфликтных, общественных порядков и сил, для которых в действительности не существует общественного Порядка, диалектически примиряющего и интегрирующего их на более высоком уровне. Факт фрагментарности и множественности сосуществующих порядков и негарантированности «единого целого» был причиной неупотребления Вебером столь опасного (политически) термина, как «общество» (что было характерно и другому «неклассическому социологу» – Г. Зиммелю), ставшим, несмотря на это, опорой классической и неоклассической социологии, и, огрубляя, всей социологии на протяжении второй трети XX в. Не случайно, что «смерть Общества» стала одним из ключевых тезисов постклассической социологии.

Логика экспликации веберовской культурсоциологической исследовательской программы. Рамки данной работы позволили нам лишь кратко обрисовать веберовскую исследовательскую программу (в версии Шлюхтера). Мы полагаем, что нам удалось зафиксировать проблему, делающую актуальной поставленную в статье задачу – экспликацию веберовской исследовательской программы как культурсоциологической программы. В имеющихся работах культур-ориентированных социологий существуют теоретические «слепые концы», заключающиеся в недопроясненном статусе культуры, выступающей молчаливой предпосылкой определенным образом заданного смысловой структуры жизни и идеала человека (человечности), воспроизводимых в конкретных культурах через определенные форматы социальности. В данном смысле феномен культуры описывает не только способы социального оформления жизни, но и полагает рамочные цели (и норму их вариации), реализуемые в социальности, оформленной определенным образом. В таком случае культура *полагается* как беспредпосылочная данность, обеспечивающая предельное основание («смысл» и «стиль») для ведения социальной жизни. Это позволяет поместить культуру на уровень своеобразного «трансцендентального гаранта» социальности, не забывая, однако, что этот статус является исторически локальной констелляцией, сконструированной, рутинизированной и реифицированной до уровня человекообразной «естественной установки» («призвания», «роли», «идентичности»). Иными словами, культура «в употреблении» в той же мере сконструирована (задаваема), в какой и конституирована (предзадана). Каковы генезис, условия возможности и изменчивости такого двойного конструктивистски-конститутивного статуса культуры – сегодня это ключевой «социальный вопрос», имеющий практические развороты как в научный, так и в государственный, гражданский, хозяйственный и этический контуры употребления.

Процесс демистификации «социологии общества», пройденный социологией в последней трети XX в. и инициированный во многом освоением ве-

беровской и зиммелевской социологий, во многом связан с «культурным поворотом» внутри гуманитарного знания (и с постклассической научной эпистемологией в целом). В результате образовавшейся внутри социогуманитарного знания «эпистемологической лакуны» (смерть общества, субъекта, социального, нации и т. п.) и произошел «поворот к культуре», способный, на наш взгляд, эффективно заполнить данную лакуну. Поэтому мы ставим задачу экспликации веберовской культурсоциологической исследовательской программы. Для этого необходимо изучить веберовские работы и определить функциональный статус («эпистемологическую нагрузку») понятия «культура», проследив его эволюцию в процессе развития исследовательской программы самого Вебера. Для такой работы мы будем использовать метод текстологического анализа, опираясь на некоторую схему классификации социологических подходов к изучению культуры (как тотальных срезов сложностного феномена культуры, целостно репрезентирующей ее с определенной перспективы). Данная схема содержит в свернутом виде совокупность ключевых подходов, исследовательских «сюжетов» внутри истории социологии, что позволит нам зафиксировать присутствие и степень разработанности/намеченности этих подходов в программе самого Вебера. Это же позволит нам оценить последующие неовеберовские развороты в методологии изучения культуры с точки зрения качества экспликации, т. е. реактивации эпистемологического потенциала веберовской культурсоциологии для современных социокультурных проблем, а также оценить возможные направления и задачи по дальнейшей разработке этой программы (в том числе ее публичный дискурсивный потенциал).

На протяжении последних десятилетий социологи проделали большую работу по «операционализации», визуализации существенной, «материальной» роли культуры. Роли, проявившейся в значительной степени в результате затрудненной или невозможной ассимиляции незападных культур и анклавных социальных порядков внутри западных культур (например, провал мультикультурализма в концептуальном и проектном плане). Движение к опознанию фундаментальной роли культуры (ее инклюзивных и эксклюзивных эффектов) за феноменально данной социальной действительностью оправдано как насущная *социокультурная* и *интеллектуальная* задача для понимания все еще поликультурного, нежели межкультурного мира, глобализовавшегося в «легкой версии» на уровне экономического порядка. Все это снова поднимает проблему плюрализма ценностей и культур, уже так ясно намеченного в веберовском, достаточно пессимистичном, диагнозе современной ему культуры. Не в последнюю очередь это вопросы не только ценностного выбора, но и политической решительности, озабоченной благополучием или выживанием определенного типа культуры. В любом случае нам остается помнить о возможности придать миру *разный* смысл, который для некоторых других смыслов может быть «выстрелом в упор». В заключение дадим слово самому Веберу: «Трансцендентальная предпосылка любой науки о культуре состоит

не в том, что мы считаем ценной определенную – или вообще какую бы то ни было – «культуру», а в том, что мы являемся людьми культуры, обладающими способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл» [5, с. 48].

Литература

1. Абушенко, В. Л. Социология культуры / В. Л. Абушенко // Социология: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
2. Кравченко, С. А. Культуральная социология Дж. Александра (генезис, понятия, возможности инструментария) / С. А. Кравченко // Социол. исслед. – 2010. – № 5. – С. 13–22.
3. Шпакова, Р. П. Макс Вебер и Вернер Зомбарт о западноевропейском капитализме / Р. П. Шпакова // Социол. исслед. – 1992. – № 12. – С. 126–132.
4. Гергилов, Р. Е. Немецкое социологическое общество перед Первой мировой войной / Р. Е. Гергилов // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 3. – С. 33–39.
5. Шлюхтер, В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // В. Шлюхтер // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII. – С. 22–50.
6. Юдин, Г. Б. Перформативность в действии: экономика качеств М. Каллона как парадигма социологического анализа рынков / Г. Б. Юдин // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI, № 4. – С. 47–58.

A. V. KAMAROUSKI

CULTURAL SOCIOLOGY OF MAX WEBER

Summary

Article examines the «cultural sociology» grounds of Max Weber sociology. It shows the possibility to review Weber's sociology in the spirit of cultural sociology and justifies the historical sociological and methodological relevance of Weber's research program.

Key words: sociology of culture, kultursotsiologiya, M. Weber, a research program, rationality, transdisciplinarity.

Поступила 27.10.2011 г.